

Гений МЕСТА

Лондонская квартира «короля минимализма» архитектора **Клаудио Сильвестрина** похожа на своего хозяина — такая же бескомпромиссная, невозмутимая и гениальная в своей кажущейся простоте.

ТЕКСТ ОЛЬГА КОСЫРЕВА ФОТО ELENA PIROGOVA

Архитектор Клаудио Сильвестрин всегда носит только черное или белое. «Жизнь очень цветная, и я не чувствую необходимости добавлять в нее еще какие-то тона. Если я вдруг выржусь в красный, это создаст дисбаланс. И результат точно будет выглядеть крайне странно».

С

просите Google, кто такой Клаудио Сильвестрин, и он сразу разложит вам все по полочкам. В 1990–2000-е одел в песчаник 25 бутиков Giorgio Armani по всему миру, включая Москву. В 2006-м впечатлил Лондон белым параллелепипедом на крыше бывшего цеха в Айлингтоне, где расположилась частная художественная галерея Виктории Миро. В 2013-м оформил ресторан Oblix на 32-м этаже самого высокого здания Европы — башни Shard в Лондоне. Но чтобы узнать, какой он, этот знаменитый архитектор, вам, возможно, хватит одной истории. Когда Клаудио было пять лет, он очень-очень хотел поехать в гости к бабушке в другой город. Но мама заявила: «Я не поеду». И тогда он сказал: «Я поеду один». Сказал — и сделал: нашел автобус, номер которого помнил по предыдущим поездкам, сел и через пять часов вышел на автобусной станции, где его уже поджидали встревоженные родственники. Этот с детства железный характер и сделал из него того, кого весь мир теперь знает как «короля минимализма».

«Если вы не знаете, что такое страх, — подчеркнуто тихо, размеренно говорит Сильвестрин, — вы не боитесь. Вы просто идете вперед, и все. Я никогда не испытывал таких сомнений, знаете, когда люди жалуются, что, мол, это трудно, требует много усилий, утомительно. Если у вас есть энтузиазм, вы просто идете и делаете». Именно так когда-то решил двадцатилетний миланец — и переехал одним махом в Лондон. Трудно ли пришлось? Отшучивается: «Давно было, уже и не помню!» Но потом становится серьезным: «Лондон — это город возможностей. Если у вас есть талант, то здесь вы можете его реализовать. В Италии все подчинено разным лобби, общество гораздо более закрытое, кастовое, развита семейственность. Там очень странный, консервативный способ вести дела: когда смотрят не на то, что ты из себя представляешь, а на то, из какой ты

Единственным украшением первого этажа служит мобиль с цветными листьями над столом — работа знаменитого американца Александра Колдера. Стулья — тоже классика дизайна, модель Wishbone датчанина Ханса Вегнера.

семья, кто стоит за тобой и так далее. Если, к примеру, ваш дядя владеет крупной мебельной компанией типа Poltrona Frau, то перед вами открываются все двери. Пробриться там только благодаря своим способностям вы не сможете».

Парень не прогадал. Союз итальянца с Англией получился действительно очень успешным. Италия дала ему врожденное понимание красоты, гармонии, а также энтузиазм, гибкость ума, богатое воображение, креативность. «Это у нас в крови, этому не учат в школе, понимаете?» — горячится холодный минималист. Англия обеспечила его архитектуре блестящий менеджмент, научила расчету, выдержке, рассудительности. Теперь он проектирует по всему земному шару, пользуется уважением и на старой родине, и на новой и живет не просто на две страны — а в таком маленьком большом мире. «Мы все много путешествуем, постоянно движемся. Я на

За невысокой перегородкой находится кухня. «Это удобно — можно готовить и говорить с женой или гостями. И в то же время кухня отделена». Сильвестрин часто готовит сам, предпочитая несложные блюда, пасту и ризотто.

Гладкая стена рядом с обеденным столом на самом деле состоит из выдвижных секций.

Обеденный стол и скамейка — прототипы вещей, разработанных Сильвестрином для Carrellini в начале 2000-х годов.

Убеденный минималист Сильвестрин закрыл все окна в квартире белыми экранами, так что свет здесь теперь совершенно музейный — рассеянный и приглушенный.

«Лондон для меня не место, где я окопался и сижу. Это просто центр моей вселенной, база, откуда я езжу по всему миру».

«Если вы не знаете, что такое страх, вы не боитесь, а просто идете вперед, и все. Я никогда не боялся, что будет трудно, утомительно, что потребуются много усилий. Просто шел и делал».

Эти выезжающие полки обычно задвинуты.

И книжки, и диски, и даже не слишком обширная семейная меморабилия спрятаны внутри — такова философия хозяина: «Если я захочу взять какую-то вещь или посмотреть на нее, я выдвину полку, посмотрю и задвину обратно, а всем смотреть на нее совершенно необязательно». Диван — прототип модели Сильвестрина для фабрики Dema, 2000–2002 годы.

Кресло Vanity Fair компании Poltrona Frau выпускается без изменений с 1930 года — лишь такой проверенной временем вещи дозволено смущать покой минималистского интерьера. Рядом столика работы Анджело Джузеппе Фрондзони. «Он выглядит абсолютно современно, но его дизайну уже больше 50 лет», — говорит Сильвестрин.

Сейчас сынишка архитектора Джотто упражняется с Lego, но отец верит, что впереди у него гораздо более масштабные творения.

Детские игрушки — самые яркие цветовые пятна в этой квартире. Когда их маленького хозяина нет дома, они живут в ящиках за диваном.

прошлой неделе был в Америке, послезавтра лечу в Гонконг. Лондон для меня не место, где я окопался и сижу. Это просто центр моей вселенной, база, откуда я езжу по всему миру. Так что «деревня» вокруг для меня не очень важна. Важен сам дом, мой офис и аэропорт. А аэропорт Лондон-Сити находится в 20 минутах отсюда, что довольно удобно».

Квартира Клаудио расположена в новом доме в модном восточном Лондоне — в районе Шордич. Разговариваем мы, сидя на диване его собственного дизайна, попивая эспрессо, сваренный разработанной им кофеваркой, и изучая устройство этой его квартиры, спроектированной, разумеется, им самим.

Она одновременно простая и сложная. Простая — потому что в ее основе прямоугольник, внутренних стен мало, вещей еще меньше, картин — одна, и та вся белая, да еще одна фотография, а декором служат сами поверхности из дуба и камня. Сложная — потому что коробка оказывается с секретом: вертикальные секции шкафов выезжают, стена поворачивается на 90 градусов, являя миру телевизор, а в расщелине у лестницы обнаруживается закуток с умывальником. Куда вы идете от двери, что вы видите, когда сидите на диване или за столом, как вы взаимодействуете с другими людьми в этом пространстве — все продумано и придумано за вас. Хотя за кого «за вас»? Этот дом, конечно, не подразумевает гостей. Здесь живут архитектор, жена архитектора (и его коллега по цеху) и сын архитектора — не исключено, что будущий продолжатель семейной династии: от такого папаши далеко не укачишься, будь ты хоть каким яблочком. Сына, кстати, зовут Джотто. Ему четыре, он вовсе учит китайский, и папа верит, что мальчишка будет достоин своего звучного имени. «Может, великим художником он и не станет, но великим человеком — точно».

Жена Клаудио, Джулиана, во время всего нашего разговора работает в кабинете на антресоли — и одновременно участвует в нашем разговоре. Мы время от времени повышаем голос и обращаемся к ней в жанре: «Эй вы там, наверху!» Например, когда я припоминаю ему фразу из нашей предыдущей беседы: «В каждом доме, который я построил для клиента, 49 процентов от хозяина и 51 — от меня, Сильвестрина». А когда клиент — собственная семья, как распределяются роли, спрашиваю я. «Джулиана, что бы ты сказала? 51 процент меня и 49 тебя? Или поровну?» С небес раздается: «Нет, на 100 процентов ты!» Сильвестрин протестует: «Она

Истоки минимализма лежат в философии дзен, а камешки способствуют просветлению.

Кабинет жены Клаудио Джулианы — она тоже архитектор и работает дома.

Милые глупости вроде лампы в лягушках дозволяются в этом доме только сынишке.

Кредо архитектора Клаудио Сильвестрина — простота в сочетании с богатством внутренней жизни, а не внешней. «Много вещей — путь к хаосу и перенасыщенности», — считает он.

Ванная отделана любимым камнем архитектора, который он часто использует в своих проектах, — желтым порфиритом из Доломитовых Альп.

«Я не позволяю окружающему миру вмешиваться в мою жизнь, влиять на меня. Неважно, солнце на улице или дождь, я останусь таким же. Я невозмутим, как слон».

В спальне нет ничего, кроме матраса, лежащего прямо на полу, и светильника с абажуром из рисовой бумаги.

фото: EastNews (1), LegionMedia (1), Claudio Silvestrini Architects (1)

Главные проекты Сильвестрина

За почти 30 лет карьеры он построил и оформил десятки апартаментов, лофтов, бутиков, офисов и музеев — и даже одну мечеть.

ГЛАВНЫЕ работы архитектора связаны с Лондоном. Из 25 оформленных им магазинов Giorgio Armani до наших дней сохранился в неизменном виде лишь один — в районе Найтсбридж. Сам архитектор считает своей главной работой Галерею Виктории Миро — надстройку на бывшем фабричном здании, белый параллелепипед в шесть

метров высотой, с пятиметровыми окнами и уходящей «в небо» внутренней лестницей. А публика валом валит в спроектированный им ресторан Oblix: «Он настолько популярен, что бронировать столик нужно за два месяца, не меньше, — рассказывает Клаудио. — Все хотят увидеть Лондон с высоты 32-го этажа. Ну и мой прекрасный дизайн, конечно».

ГАЛЕРЕЯ ВИКТОРИИ МИРО

GIORGIO ARMANI

OBLIX

просто очень вежливая». Потом жена все-таки признается, что идея планировки была совместная, она лично предложила сделать невысокую перегородку между кухней и столовой-гостиной. «Так что на 99 процентов он и на 1 процент — я», — со смехом заключает Джулиана.

Еще одна особенность, даже странность этой квартиры — свет. Огромные окна высотой в два этажа полностью закрыты белыми экранами, которые никогда не поднимаются. Темнее внутри от них не становится, но солнечные лучи они рассеивают, приглушают. Это тоже часть архитектуры — ведь в минимализме важно все, вплоть до того, как падают и двигаются тени. «Вид из окна здесь никакой — просто другие дома, — говорит Клаудио. — Вот были бы горы или море, тогда другое дело. Хотя в целом то, что я вижу, не оказывает на меня большого влияния. Я стараюсь не реагировать на внешние раздражители и не позволяю окружающему вмешиваться в мою жизнь, влиять на меня. Неважно, солнце на улице или дождь, я останусь таким же. Я невозмутим, как слон. Все и сейчас как в детстве, когда я хотел увидеть бабушку, а мне говорили, что мы не можем поехать. О'кей, я сам поеду».

— Джулиана, вам легко живется со слоном?

Она отвечает очень серьезно: «Я не знаю, если честно. Думаю, мы дополняем друг друга. И мы идем по жизни рядом. Сейчас это легко и прекрасно». И тут наконец Сильвестрин распыляется в улыбке: «Она не хочет этого сказать прямо, но ей просто нравятся слоны».